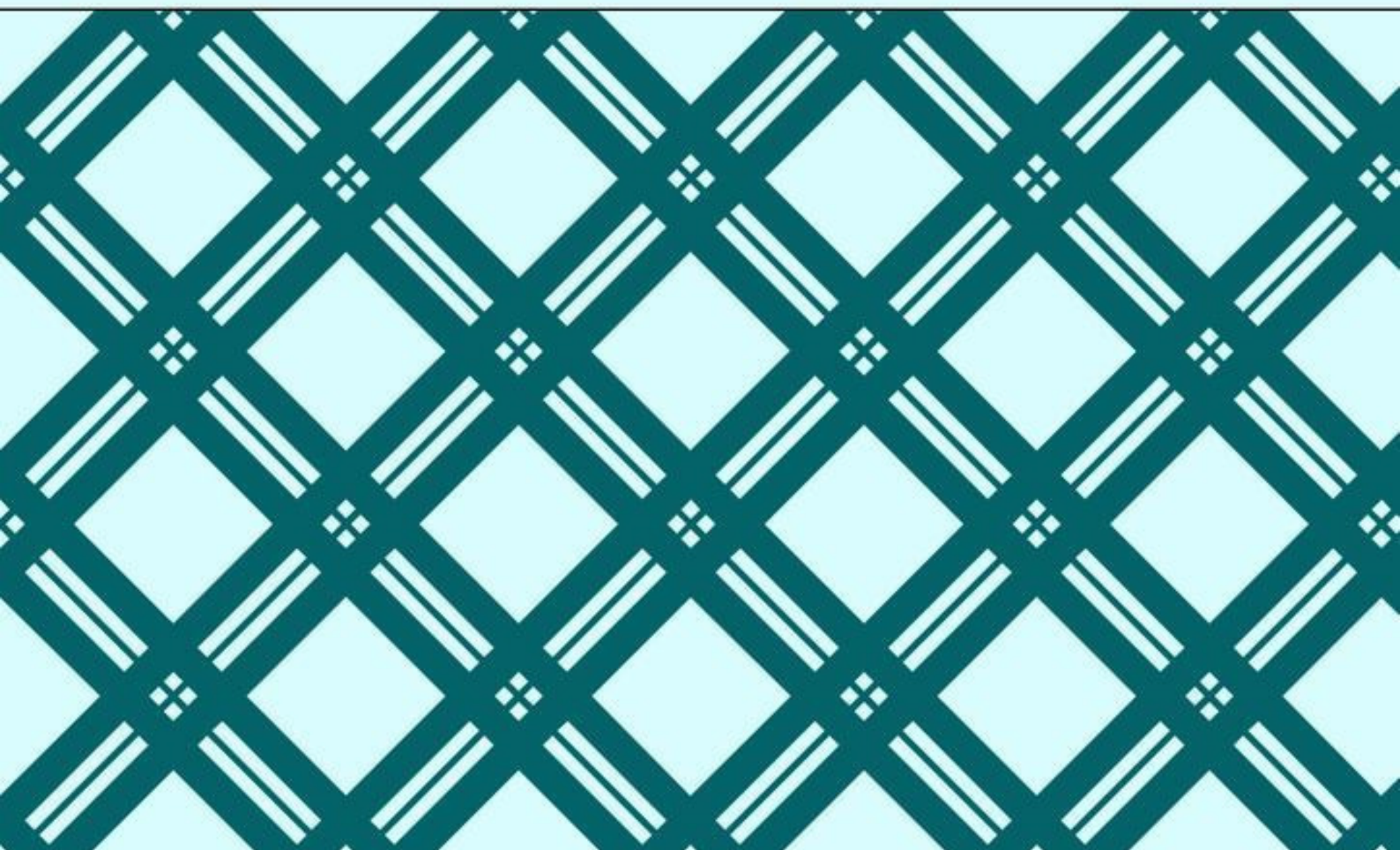

18+ Людмила Филатова

Плакат от любви

Рассказы

Людмила Филатова

Плакат от любви. Рассказы

«Издательские решения»

Филатова Л.

Плакать от любви. Рассказы / Л. Филатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537974-0

Душа человеческая странствует по ситуациям и событиям нашей жизни и порой плачет от любви не только к другой душе, но и к своей малой Родине, красотам её природы, таинствам творчества людей Земли, красоте и высоте истинного слова.

ISBN 978-5-00-537974-0

© Филатова Л.
© Издательские решения

Содержание

КОГДА БОЛИТ СЕРДЦЕ	6
КОНФЕТКИ	9
БАРБИ И СОЛЯНОЙ СТОЛБ	13
ТЮЛЬКА	17
ЖИВОТНОЕ	20
КУКОЛКА	25
ПЛАКАТЬ ОТ ЛЮБВИ	27
ОТДАЙ МОЮ БАБОЧКУ!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Плакать от любви Рассказы

Людмила Филатова

© Людмила Филатова, 2021

ISBN 978-5-0053-7974-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОГДА БОЛИТ СЕРДЦЕ

Шла последняя неделя августа, вечерело. Прибрежный песок меж водой и доцветающим лугом был уже не таким тёплым и сыпучим. От остова полу загопленной баржи уже тянулась по розовой предзакатной воде довольно внушительная, припахивающая тиной и водяной прелью, остроклювая мрачная тень.

Заглядевшись на снующих у берега уклеек, Марина не сразу заметила незнакомца, который, сбросив рубашку и закатанные до колен брюки, с разбегу бросился в воду и, мощно загребая, поплыл против течения. Красиво. Но явно, не туда...

– Осторожнее! – не выдержав, вскрикнула она, – там, чуть правее, острая свая под водой!

– Понял. Отфыркиваясь, улыбнулся он, нырнул, и, сделав под водой кувырок, поплыл уже по течению. Вода была настолько прозрачной, что его ещё долго было видно.

– Вот и нет лета... – вздохнув, поёжилась Марина.

Листья прибрежной ивы, свернувшись в сизые трубочки, обречённо шуршали над водой. Быстро темнело. Купаться, кроме Марины, уже никто не решался. Никак не сохнувший купальник уже казался ледяным. Пальцы ног растопыренными паучками тут же зарылись в ещё тёплый песок. Марина укуталась в вязаную кофту до самых серо-зелёных глаз со слегка потёкшей тушью и, поджав колени, плотнее обвязалась рукавами, пытаясь хоть немного согреться.

– Полотенце опять забыла...

Он, наконец, выбрался из воды и присел в пяти шагах. Руки заметно дрожали, нашаривая в рубашке сигареты. Мужчина попытался закурить, но зажигалка щёлкала впустую. И раз, и два...

Марина достала свою и бросила ему на колени. Он благодарно кивнул и подсел ближе.

– Не помешаю?

– Да, нет. Сама курю понемножку.

– Холодная вода, правда? – слегка постукивая зубами, порылся он в полупустом пластиковом пакете, – а у меня тут – для согреву, «Рябина на коньяке» и...

– Марина невольно сглотнула, почти неприлично уставившись на слегка помятые столовские бутерброды с сырокопчёной колбасой.

– Я на курсах здесь, водителей тепловозов... – аккуратно разложив закуску прямо на своей рубашке, он, почему-то смутившись, отложил бутылку в сторону.

– Знаю, это там, у Каменного моста.

– Ну, да. Наши сразу после лекции – в гостиницу. Пьют черти, оттягиваются без жён, а я не любитель. Так, сладкого чего-нибудь, чтоб согреться... Сердце пошаливает. А сладенького хлебнёшь, словно теплеет в нём.

– Вам на вид и сорока нет, а уже – сердце?..

– Профессиональная болезнь, почти у всех машинистов такая, тепловоз-то – сердцем тянешь...

– Это как?

– А вот... – присел он на песок, подстелив под себя опустевший пакет, – представьте себе – ночь, смотришь вперёд, скорость бешеная, волочишь за собой сотни спящих людей, тысячи... Ответственность-то какая?.. Тьма летит навстречу, бьёт в грудь. Холодно от неё, смертью веет... Ведь случись что, от тебя ничегошеньки не зависит, даже экстренное торможение не поможет! А они там спят, на полках качаются. Пол состава женщин и детей. А если, не дай Бог, – пожар? Пока остановишь, пять-семь вагонов – в уголь!

– Никогда не думала...

– Устал медкомиссии бояться. И вообще... устал. Бросил бы, а семья? Время-то какое?.. В дворники, что ль – потом? Надо терпеть.

– Сейчас все терпят... Отвернитесь. – Марина, забравшись по шею в кокон длинной юбки, стащила вниз мокрое, выкрутила и спрятала в сумку. – Вы говорили, у вас там что-то, ну, чтобы согреться?..

Он обрадовано засуетился, ловко выбил пробку и плеснул вина в подставленную бутылочку из-под «Пепси». После первого же глотка Марина заметно повеселела и согрелась.

– Вы говорили – семья... А детей сколько?

– Двое, – отхлебнул он прямо из горла, – и ещё скоро... будет, правда, не знаем – мальчик или девочка?

– А у меня пока – никого...

– Ничего, ещё будут.

– Сначала бы... – мужа, а у нас в библиотеке... Да я уже и не думаю! Хоть ребёночка бы, а то, ещё немного, и поздно будет.

Они и не заметили, как окончательно стемнело. Стало ещё холодней. Мужчина надел брюки прямо на мокрые плавки и, стряхнув с рубашки крошки, накинул её на плечи. Марина непроизвольно придвинулась ближе. Он, почти по-родственному, обнял её.

– Да вы не стесняйтесь, я не такой!

– И я...

– Да я уж понял... Может, пора домой подаваться? Вас проводить?..

– Не надо. Я ещё побуду. Куртку наброшу, и подышу. Когда ещё на природу выберусь.

– Жаль, ну, как знаете. А мне ещё к зачёту готовиться, завтра сдам, и опять – сюда, в последний раз. А с утра уже – к себе, в Балабаново. А вы завтра будете здесь к шести? Знаете, так хорошо поговорили. Редко бывает.

– Не знаю, – выдернув шпильку и распустив волосы, неуверенно улыбнулась она, – семья ведь у вас...

– А что, просто дружить мужчина и женщина не могут?

– Могут. Но чем это кончается...

– Приходите. У нас хорошо кончится, обещаю. До завтра.

– Не знаю... – Она долго сидела отвернувшись, а когда обернулась, он был уже на середине понтонного моста, соединявшего зелёный берег с городом.

– Надо же, прямо родной, всё: и прядка седая, и плечи, широкие, но слегка ссутуленные. И глаза, как выгоревшие... Это тьма их выела, как и сердце. Больно за него почему-то...

На следующий вечер, твёрдо решив к нему не ходить, она отпросилась с работы пораньше и, устроившись за соседним ивовым кустом, заняла удобную позицию для наблюдения.

– Я только со стороны погляжу, и всё. Только погляжу...

Он пришёл, как и обещал, к шести, присел на песок, нервно сцепив пальцы ниже колен. Стрелки на брюках были острее бритвы.

На правой руке предательски блеснуло обручальное кольцо. Мужчина тут же неловко прикрыл его ладонью.

– Ну вот... А говорил – дружить...

Губы её расплзлись в ещё неуверенной улыбке. Она легонько шлёпнула себя по щекам и уткнула вспыхнувшее лицо в колени.

Быстро темнело. Время утекало как песок, но они так и сидели... Он на их вчерашнем месте, она – за кустом, на траве. Прошёл час. Мужчина скинул пиджак, ослабил галстук, но всё так же напряжённо поглядывал в сторону моста. Она – на него.

– Ждёт, – сдавленно передохнула Марина, – не дожждётся...

Прошёл ещё час. Наконец, он поднялся и, ещё больше сутулясь, медленно подался вдоль берега к мосту, совсем медленно, еле переставляя ноги, будто что-то мешало ему. И тут она не выдержала, разделась, и поплыла за ним. Догонять по берегу было почему-то неловко – пусть, будто случайно, купалась мол, и вдруг заметила!

Грести пришлось против течения. Будто сама река, упираясь тяжёлой неуступчивой водой, не пускала её, отбирая последние силы. Тогда, выбравшись на прибрежную отмель, Марина, по пояс в воде, с шумом рассекая прибрежную рябь, быстро побрела за ним, упираясь ступнями в зыбкий скользкий ил. Она уже намерилась окликнуть его, когда резкая боль вдруг полоснула по бедру.

– Свая... Свая от старой пристани! Как же я?.. Вот это да...

Она выбралась на берег, зажала глубокий порез ладонью, изрядно прихрамывая, вернулась на оставленный наблюдательный пункт, перетянула бедро косынкой, оделась.

Он давно уже миновал мост и потихоньку поднимался в гору. Словно почувствовав её взгляд, остановился и ещё раз внимательно оглядел берег. Марина отступила за куст.

– Всё правильно. Так мне и надо! – Вздохнув, она ещё раз обтёрла сочащуюся из-под косынки кровь. – Учить меня и учить! Мол, не понимаешь по-хорошему? Вот тебе – по-плохому! Доходчивей будет... Ишь, дура какая! Дура...

А ребёночек? Ребёночек у меня ещё будет! Мальчик. И сердце у него будет такое еже, нет, не больное, а чуткое, человеческое.

И глаза... – такие же! Всё правильно, Господи! Всё правильно.

КОНФЕТКИ

Сегодня Анне Ивановне пришлось уж слишком засидеться за вахтёрским столом. Только заступила в ночь, а тут – директор!

– Черти его принесли... Да, ещё не один!

Из серебристого Лексуса выпорхнула блондинка лет тридцати пяти в белых брючках и короткой розовой курточке. Директор под локоток провёл её через вестибюль. – Может заказчица?.. – С некоторым сомнением оглядела её Анна Ивановна, – хотя, не похоже...

Обычно, когда все расходились, Аннушка спешила во двор, подышать свежим воздухом. А если шёл дождь, перетаскивала матрас из пропахшей мышами раздевалки в широкий входной тамбур.

Здесь, меж высоко застеклённых дверей, через окно, можно было видеть верхушки деревьев, косую сетку дождя или мигающие на фоне звёздного неба огоньки пролетающих самолётов. Аннушка слушала своё любимое «Дорожное радио» и представляла, что тоже куда-то едет, и что за рулём непременно – он, тот, единственный...

Она даже ощущала его тёплую руку на колене и такое знакомое, до сих пор не отпускающее, волнение.

– Господи, когда ж это было?..

Вдруг в приёмной директора что-то загремело. Кажется, двигали мебель. Позвякивала посуда. Говорили тихо, почти шёпотом, но посетительница, похоже, возмущалась, а директор оправдывался.

– Да, может, и разговор-то у них – деловой, не поделили что-то – убедила себя Аннушка и, достав из стола затрёпанный женский роман, зачиталась. Но тут из приёмной раздался громкий мужской чих! И раз, и два, и пять...

– Эх, его! Никогда окно у себя не закрывает, даже на ночь!

И вдруг что-то будто накатило на неё: так явно вспомнилось, как, застегнув дрожащие пальцы в замок, она сладко повисала на голой мужской спине того, единственного, прижавшись губами к бугристой впадине позвоночника.

Казалось, в воздухе вновь повеяло смешанным запахом пота, дорогого дезодоранта и коньяка, а плечи и грудь её опять и опять уже податливо ловили частые короткие мужские поцелуи:

– Какая ты... Ох, какая! Не знаешь ты себя, ох, не знаешь...

– Зато тебя знаю!

– И меня ещё не знаешь...

– Уже.

А потом – точно такой же чих! И раз, и два... Именно он-то всё и напомнил.

– Нечего было голой спиной в окно светить! – Попеняла она ему тогда.

– Но ведь – светил же! – Расплылся он в блаженной улыбке.

Потом пришлось лечить бедолагу, неделю пластом лежал!

Хорошо, жена на юге была, а то б... Больные мужики, они ведь, как дети!

Наверху ещё раз чихнули. Опять задвигалась мебель, загремели бутылки. В пакет их, что ли, складывают?.. Зачем? И сама бы вынесла – вздохнув, пожала плечами Аня.

Но вот всё стихло, и она, отложив книжку, надолго ушла в себя.

Вспомнилось, как, неожиданно выйдя на пенсию, чуть не завывала от тоски, но потом случайно нашла эту работу.

Плевать им теперь на высшее образование! Если тебе за пятьдесят – берут только в вахтёры или сторожа. Но ведь есть и плюсы. Все денёчки – мои, а ночи всё равно коротать не с кем: муж-то давно сбежал. Сначала – в себя. Всё молчал и в окно смотрел, а потом и к другой. А, в общем-то, чего на него сердиться-то? Любовь... Разве на такое – можно?.. Тем более, уже лет десять – каждый сам по себе, только на кухне и встречались, у чайника.

Заметив в муже интересные перемены, Аннушка даже потворствовала им – рубашки и брюки наглаживала, новый галстук купила.

Конечно, и о нём думала, всё-таки любила когда-то... – пусть, мол, мужику повезёт! Но, чего врать-то, и самой вдруг до слёз захотелось вот так сиять по утрам... Аж блики на стенах!

Он ушёл. А она так никому и не понадобилась.

– Надо же... А ведь при муже отбою не было! Видно все мужики генетически – охотники, любят за добычу потягаться! А если тягаться не с кем, то и...

Во дворе строительной фирмы, куда Аня устроилась, был небольшой уютный скверик.

– Ворота на замке, значит не так и страшно, а когда ещё гуляла при луне, уже и не вспомнить... И зачем в заводских казематах полжизни просидела?.. Знать бы раньше, сразу бы – в ночные сторожа пошла! – коротко передохнув, устала она в окно.

Работа была несложной: проверить заперты ли двери, выключен ли свет, и ещё покормить общественного кота Митрофана, рыжего, короткошерстного, с кривым поломанным хвостом и приплюснутой монгольской физиономией.

Задняя часть этого кота – почему-то двигалась совершенно независимо от передней. Но именно она-то и была его основным украшением.

О, как горделиво носил он её перед ногами местного кошачьего бомонда, как много она выражала своим страстным повелительным прогибом: и «следуйте за мной!», и «а пошла ты со своими фанабериями!» и «о, как я вами очарован!» Вот и сегодня Аннушка выставила ему «вискас» за дверь, мол:

– Пусть подкормится трудяга на мужском фронте... Вон их у него сколько!

И в самом деле, Митрофана навещали семь кошек разного возраста и масти, но любимицей была одна – белая, ухоженная, с чёрным ошейником от блох. Вчера вечером она припоздала, подняла на Аннушку томные светло-янтарные глаза и словно спросила:

– Мурр... Ну, и где он?..

– Не знаю, – развела руками Анна Ивановна. – Смылся куда-то!

– Жаль, мр... – заметно огорчилась кошка, подошла к месту, где недавно лежал Митрофан, повалилась на нём, поочередно вытягивая восхитительные белоснежные лапы, и ушла несолоно хлебавши.

Наконец, припозднившаяся пара спустилась в холл. Директор прошмыгнул, явно пряча глаза, а незнакомка – в открытую сияла!

Минуя Аннушку, она сунула ей в карман горсть шоколадных конфет и заговорщически подмигнула...

– Ну, что ты, дурочка, – усмехнулась про себя Аня, – я и без конфет на твоей стороне, по глазам вижу – любишь. Люби, пока любится, пока твоё времечко не убежало. Хоть будет, что вспомнить...

Закрыв за директором и его гостьей, Аня почему-то долго не могла успокоиться: то потягивала кипячённую воду из бутылки, то погромче включала радио.

Слопала, одну за другой, все подаренные конфеты. Попробовала подремать, уткнувшись носом в рукав, но это здесь строго запрещалось: пять офисных иномарок под окном!

Сердце почему-то продолжало колотиться, как сумасшедшее. Щёки и уши пылали. Заглянула в зеркальце, в глазах – бесенята...

– Что это со мной?.. То с ног валит, а то аж подбрасывает!

Встала. Вышла на улицу. Белянка опять была тут, и опять опоздала! Бедняжка...

Все претендентки на чувства Митрофана обычно поочерёдно возникали в конце аллеи, демонстрируя себя с наиболее выигрышных сторон. Сначала он делал вид, что эти дефиле его не касаются, лениво потягивался, почёсывался и, наконец, будто нехотя, начинал медленно подниматься. Обрадованная кошачья модель тут же давала стрекача, но, отбежав метров пятьдесят, непременно оглядывалась – как он там?.. А он – уже будто стелился над коротко стриженным газоном... В такие моменты плоские, широко разбрасываемые лапы его вполне подошли на мужские любовные крылья...

Днём, тщательно вылизав своё хозяйство, Митрофан дрых на вахтёрском диване, иногда коротко чихая или слегка поскуливая.

– Вот кобель... – Уважительно обихаживала его женская половина obsługi. – Что расчихался-то?.. Набегался по росе?..

Так случилось, что ни у одной из офисных служащих уже не было мужей, вот Митрофан и стал для них своеобразным мужским символом, вызывавшим у каждой свои, бередящие душу и тело, воспоминания...

– Иди уж, – посочувствовала Аннушка Белянке, – нету твоего.

Заканчивался сентябрь, изрядно похолодало, но Анна Ивановна не спешила перебираться на ночёвку в раздевалку, к грязным вёдрам и мокрым тряпкам.

– Нанюхаюсь ещё этого добра, когда морозы начнутся.

Вот и сегодня, завернувшись в тёплое верблюжье одеяло, она опять устроилась в своём тамбуре, легла на спину и, широко распахнув глаза, уставилась в побелённую потолочную балку.

И тут вдруг – дошло: Вот что меня – так... Да это же запах... Тот самый! Видимо, духи этой, в брючках, остались на фантиках или кармане халата. Французские... Запах счастья и греха. Наверное, муж подарил, а, может, и наш. Не из бедных, как ни как.

И опять, разматываясь невидимой кинолентой, побежали воспоминания. Восьмое марта. Смущённая мужская улыбка, и этот же, только сверхконцентрированный, запах!

– Вот нёс тебе подарить, повесил пакет на ручку, а дверь гаража как ахнет! Вся твоя «Франция» – всмятку... Завтра новые куплю!

...Купишь, только уже не мне, – повернулась на бочок Аннушка, скомкав в ладони шуршащие фантики. Вкус пьяной вишни в шоколаде всё ещё блаженно гулял по зубам, – хорошие конфетки...

А вот мои, кажется, кончились. Все – до одной!

Лунный свет, шагнув за двойное стекло, залил её всю тревожным серебристым светом, и где-то там, за входной дверью, утробно завопил Митрофан.

– Утром опять обчихается... – улыбнулась она уже сквозь сон, – вот кобелина!..

БАРБИ И СОЛЯНОЙ СТОЛЬ

В эту зиму Иришку опять замучили бронхиты. И Женя решила в августе, в свой отпуск, прогреть дочку на юге. В сентябре – в школу, во второй класс! Пропускать нельзя, потом не догонишь.

В Одессе, когда они сошли с поезда и, наконец, дотопали до вокзала, их встретила, видимо, тоже припозднившаяся пожилая пара.

– Петь, а ты говорил, нам не повезёт, что всех квартирантов уже расхватали. Смотри, какие хорошие! Как по заказу...

– Просто замечательные! – Усмехнулся Пётр Сергеевич, подхватив у Жени из рук довольно тяжёлый чемодан.

– А как вы догадались, что мы – дикарём! – запрыгала довольная Иришка.

– Так, не встречает вас никто, вот и догадались, – погладила девочку по макушке Надежда Павловна. – Мы сейчас быстренько – на трамвай, и прямо на дачу! Летом мы тоже там живём, сарайчик на мазанку перестроили. А вам хорошую комнату подготовили, с душем, с холодильником. Готовить я буду. Вы на сколько приехали?

– На две недели.

– Ну, тогда – по десятке в день с обеих, на всём готовом.

Жене показалось дороговато, и так на эту поездку еле наскребла, но отказываться было уже поздно. Кстати, через пару дней она поняла, что им с дочкой фантастически повезло, словно к родным приехали. Готовила Надежда Павловна вкусно. А Пётр Сергеевич не только гулял с Иришкой по вечерам, но и перетирал для неё грецкие орехи с шоколадом и сгущёнкой. Своей-то внучки у него не было.

Как потом выяснилось, и у Надежды Павловны и у Петра Сергеевича прежде были свои семьи. Дачи стояли рядом. И так вышло, что эти двое полюбили друг друга. Но сумели сдержаться. И только теперь, на седьмом десятке, овдовев, наконец, воссоединились.

Они так тепло относились друг к другу, что это тепло согревало и постояльцев, которые потом долго писали им письма в надежде заехать ещё разок. У Петра Сергеевича были проблемы с почками.

Ему очень помогали розовые грейпфруты, боли как рукой снимало. Вот эти самые грейпфруты и слали им со всех концов страны.

С погодой Жене и Иришке повезло. Море было тёплым и ласковым. Они нашли себе укромное место у спасательной вышки, которая почему-то не работала, расстелили клетчатый плед, накрыли газетой сладкие булочки и виноград, и сразу – в воду!

– Какое счастье... – выбралась, наконец, Женя, с трудом выгнав из воды уже синегубую дочку. – Верба сзади вырастет! Заворачивайся в полотенце!

Первая неделя проскочила как один день, хотя и была отмечена довольно неприятным открытием. Женя вдруг поняла, что совсем не знает свою дочь... Все эти годы общались лишь по дороге в детсад и обратно. Работа как ненасытный монстр пожирала даже так называемое свободное время. А в единственный выходной – уборка, стирка, а потом – диван перед телевизором, и, как всегда:

– Поиграй сама, я так устала...

А когда началась школа, ключ ребёнку на шею, и гуляй, не хочу. Что ест? С кем водится? О чём думает?... Все эти вопросы были лишь риторическими. Задала их? Совесть очистила? И ладно.

Вот и результат! Иришка за первые пять дней успела раз двадцать поссориться с Женей. Например, в среду выкинула в мусорку все платья и босоножки, заявив, что тут такое не носят!

Пришлось купить шорты, пару маек и кроссовки. А когда Женя предупредила, что так никаких денег не хватит, дочь долго бурчала:

– Если мы такие нищие, то нечего и по морям раскатывать! Позориться только... И тут же, видимо, назло, потребовала в детском кафе сразу три мороженных. А когда мать купила одно, будто дождавшись спровоцированного ею же момента, вдруг выкрикнула на весь зал, – ты думаешь, ты красивая, что все на тебя смотрят? Это на меня все смотрят! А у тебя всё лицо – дырками, дырками! А на голове – барашки, барашки... За что получила под зад и пришла на дачу вся зарёванная и долго жаловалась на мать старикам, на что те только головами качали.

Вот так уедешь из дома, и вдруг поймёшь, что ты, хоть и родитель, а воспитатель для дочки – никакой, схватилась за голову Женя

– Телевизор со всякими дурацкими шоу – ей воспитатель!

На другой день, к вечеру, мать и дочь решили сфотографироваться, чтобы хоть память осталась. Иришка в детском бикини, распустив по плечам волосы, тут же вскарабкалась на скульптуру дельфина и приняла позу обольстительной русалки.

– Я хочу – вот тут... И вот так! Чем поразила даже выдавшего виды фотографа:

– Дочурка у вас просто – нимфа! Давно таких не видел... А вы, мамочка, станьте, пожалуйста, вот здесь, сбоку, – намеренно отодвинул он Женю.

– Вот гад! – Ругнулась про себя та и упрямо вернулась на место.

– Уйди! – Вдруг возмутилась и Иришка. – Ты мне всю фотографию портишь! Стоишь тут, как соляной столб...

– Интересно, в какой передаче она это столб высмотрела? – Смутилась Женя. И в тот же вечер решила расспросить Петра Сергеевича, вдруг знает?

– Это из Библии, – тут же начал он, – когда город Содом за прегрешения своих жителей должен был сгореть от удара молнии, предупреждённый Господом, Лот, бежал с женой и двумя дочерьми.

Им было велено не оглядываться, но жена Лота оглянулась, и превратилась в соляной столб, в ином прочтении – столп.

– А какая разница? – хихикнула Иришка.

– Столб просто стоит, а столп тысячелетия чему-то учит, – попытался доступно объяснить Пётр Сергеевич.

– А чего вы этим столбом так заинтересовались, – расставляя тарелки, спросила Надежда Петровна.

– Да это Иришка меня так обозвала.

– Какая умная у вас девочка, – потёр руки Пётр Сергеевич, – только характер у неё...

Женя и сама уже понимала – папочкин.

– Тот ещё фрукт был, да впрочем, и есть, но не про нашу честь...

Вот и сегодня, зашли они с дочкой на детскую площадку, а там игру проводили: дети бегают кругами, к плюшевому мишке приближаясь. Пока музыка играет, бегут! А как перестаёт, ни-ни. Иришка, конечно, сразу завелась, и туда! Минут пять носилась с другими. Кто ошибался, вылетал! И вот остались только двое – она и мальчишка, на голову выше её.

Родители-болельщики распереживались, не выиграть этой малышке у такого, а Женя только улыбнулась: сейчас увидите!

И, правда, закончилась музыка, до мишки ещё далеко, а Иришка, издав самурайский клич, вдруг прыгает, раздвинув ноги ножницами, прямо на добычу и накрывает её собой. Большой мальчик растерянно постоял и ушёл.

– Ну что, видели?..

– Атомная девочка.

...А теперь валяется этот мишка под скамейкой. Главное было из чужих рук вырвать! И что мне с такой атомной делать, да ещё в одиночку... – невольно окунулась в прошлое Женя. Лот-то мой уже давно драпанул. А тут ещё сократили на работе, пришлось – в дворники, потом на рынок. Всё бежала и бежала – от плохого к ещё худшему... Только теперь и оглянулась, когда чуть отпустило. Может, не поздно ещё что-нибудь поправить?.. Ведь не в каменный же столб превратилась, а в соляной. А соль – это жизнь...

Назавтра, когда они уже второй час нежились на пляже, мимо прошёл дорожный одетый старик с тросточкой. Он зачем-то поднялся на вышку и долго разглядывал Женю сверху. Ей даже неудобно стало, тогда она легла на живот и решила немного подремать. Иришка вертелась тут же, нося ведёрком воду и выливая её в выкопанную ямку. Женя и не заметила, как старик оказался рядом, присел на песок и зашипел почти в ухо:

– Дай только грудь поцеловать, больше и не надо. Я тебе сто рублей дам! Женя подпрыгнула как ужаленная:

– Как вам не стыдно, при ребёнке! Я вам сама двести дам, чтобы вы мне тут не мешали! Немедленно уходите!

– Ну и дура, – зло сплюнул старик и захромал прочь.

– Конечно – дура! – подскочила Иришка, – жалко тебе? А я бы – дала, оттопырила она маечку. – Подумаешь... Зато куклу Барби купили бы, и ещё на браслетик осталось, розовый, как в «Доме два».

С этой куклой она уже всех достала – и Женю, и стариков, почти силой затаскивая всех в магазин. Кукла, и правда, была хороша, но уж слишком дорогая. А денег у Жени осталось – только на обратную дорогу, и ещё чуть на фрукты и мороженое.

Она потом долго размышляла, как объяснить дочке, что та несла на пляже что-то просто омерзительное, но потом решила, что рано ещё ребёнку разбираться в подобном, и намерилась просто отвлечь:

– Если хочешь купить Барби, заработай! – предложила она дочке, – у меня есть новый батник, ещё с этикеткой. Тут таких нет. Продай, если сможешь, вот тебе – и кукла! Я ведь деньги тоже не с потолка беру, кручусь на рынке, как чёрт. Весь день – на ногах!

В тот же вечер они отправились на местный рынок. Блузку надели на вешалку, и Иришка стала усиленно её продавать.

– И откуда такие таланты?.. – подивилась Женя. В глубине души она чувствовала, что поступает непедагогично! Но уж больно хотелось переломить отнюдь не детское упрямство дочери.

Люди подходили, смотрели товар, щупали, но никто не хотел связываться с ребёнком. Многие жалели девочку, пытались чем-то угостить. Но Иришке нужны были только деньги! Так продолжалось часа три. Духота была невероятная. Иришка ужасно устала, но признавать своё поражение не хотела. Наконец, Женя пожалела её, купила попить и предложила перенести торговлю на завтра...

– Нет, – насупилась та, – я уже не хочу этой куклы! – И потом вдруг добавила, – а батник твой – отстой! Не вздумай его носить!

Вечером того же дня, отложив деньги на дорогу, Женя поделила оставшиеся на три кучки, разложив их по газетным кулямкам.

– Ириша, это нам с тобой на три последних дня. Теперь ты будешь решать, что покупать. Я устала с тобой пререкаться.

И тут всё пошло совсем по-иному. Иришка вдруг оказалась очень прижимистой, если и брала что-то в руки, то долго торговалась и потом ничего не покупала: ни фрукты, ни леденцы на палочках, ни лакированные ракушки.

Капризничала и что-то выпрашивала у неё теперь Женя, понарошку, конечно. И то ей надо было, и другое! И теперь уже дочка всячески стыдила и увещевала мать, с большим трудом соглашаясь лишь на мизерные траты. В общем, девочка сразу будто выросла, да и добрее стала, даже ласковей, ни на что не обижалась, а уж клянчить всё подряд, как было раньше, ей и в голову не приходило.

– Значит, я всё правильно сделала, – отметила про себя Женя, – труд, он всякий – на пользу! А телевизор этот чёртов – на помойку! Радио будем слушать, культуру всякую...

ТЮЛЬКА

Встретила его Кира на трудовом семестре, под Астраханью, будучи второкурсницей всем известной «Бауманки». Маленький, похожий на сухопутную рыбку с седыми бачками, совершенно лысый, Тюлька жил на баштане. Когда сбор арбузов заканчивался, он выбирал барак поуютнее, стаскивал туда брошенное студентами барахло и обустроивал себе дом. При нём всегда жило две-три дворняги. Продуктами он запасался в посёлке на месяц. Иногда ездил в центр – в баню и покуражиться. Ходил на танцы, вертелся около молодёжи.

Кира слышала, что Тюлька был из репрессированных, за какой-то пустяк. Кем он был до лагерей, никто не знал. Семья от него, по слухам, отказалась. Да и не пустили бы его уже в столицу, где он прежде проживал. К людям Тюлька относился тепло и доброжелательно. Совал нос во все, даже чисто личные проблемы, суетился, помогал. Правда, толку от его помощи не было никакого. Но внимание и забота всем приятны. По всему было видно, что он любил людей, но сам быть человеком уже не желал...

– Я уже побыл – Во! – Проводил он пальцем по горлу, изображая бритву. – Котом хочу быть! И смеша очередных слушателей, прохаживался мимо спальных пологов на четвереньках, ловко виляя узким задом. Только хвоста не хватало.

Тюльку любили. Посмеивались над ним, часто разыгрывали, но всегда не зло. Вспоминается одна из таких историй.

Считая себя чистюлей, красавцем и эстетом, Тюлька не сводил глаз с длинноногих холодных красавиц, особенно студенток-медичек. Тайно вздыхал по ним, чаще по блондинкам, и по ночам пописывал любовные стишки.

И вот однажды он проснулся от гомерического хохота возле своего накомарника. Выскочил из-под марли и сразу всё понял. Кто-то из студентов поставил рядом с его начищенными зубным порошком кедами кирзовые сапоги баштанной дурочки Мотьки. А рядом с его флотскими штанами была веером раскинута её линялая рваная юбка.

Ночной роман, да и только! Тюлька оскорбился, как никогда. Ушёл на канал и просидел там до обеда.

Сам шуплый, невысокий, будто высушенный астраханским солнцем, он обожал крупных сильных женщин со светлой кожей и упрямым мужским характером. Так что Кира была вполне в его вкусе. А если ещё добавить присущую ей томную грацию Блоковской Незнакомки и кое-какое знание литературы, то это был уже перебор.

Видимо чувствуя это, Тюлька соблюдал дистанцию и приближался только, когда Кире грозила даже незначительная опасность. А народец здесь был ещё тот! Боготворя свою избранницу, Тюлька незаметной тенью всюду следовал за ней. Если кто-то приглашал Киру на танцах, он

не опускался до ревности. Ведь богов, как известно, не ревнуют. Поэтому, когда в Кириной жизни появился Виктор из «Второго медицинского», он, сделав вполне похожий на реверанс поклон, гордо удалился. Но продолжал зорко поглядывать: как бы этот «бизон», так он называл Виктора, не обидел его божество.

Умный, спокойный, как все медики, несколько циничный, Виктор невольно производил на юных стройотрядовок неизгладимое впечатление. А если учесть его приличный рост, красивую крупную голову и широкую спину с парой шрамов от ножа, следы буйной молодости, то он буквально завораживал романтическую Киру, как удав Каа – бандерлогов, или как сама она – Тюльку.

Познакомились Кира с Виктором на чьём-то Дне рождения, устроенном астраханцами. Кира почитала там кое-что из своих последних стихов. Понравилось. Особенно Виктору:

– Хочу тебя послушать без свидетелей, чтоб не мешали. Ну, как?..

Странная у Виктора была манера слушать. Он приводил Киру в заброшенный барак, разжигал огонь в печи, заставлял расплетать косы и, поставив её на колени у очага, голую до пояса, командовал: «Читай!» А сам, одетый, валялся на нарах в темном углу с бутылкой «краснухи», изредка потягивая из горла, и, казалось, почти дремал. Но стоило ей потянуться за одеждой, как тут же слышалось: «Не ломай мизансцену, голуба!»

И почему она подчинялась ему? Не душа, а воск – лепи, что хочешь. И чем больней, тем лучше...

Дни шли за днями... Виктор ни разу не обратился к ней по имени. Да, видимо, и не помнил его. Кира интересовала его, скорее, как неведомое явление, и он мысленно препарировал это явление, как это делал бы любой любознательный хирург, увлечшись новизной трудного случая.

Когда ему надоедало, он звал её к себе и затевал безгрешную возню с железными объятьями и сухими колючими поцелуями. К концу двух недель сих «литературных прогулок» он вдруг приказал:

– Если хочешь, чтобы ничего не случилось, больше не приходи.

– И не приду! – твёрдо решила Кира.

На следующий вечер Виктор, не дождавшись её в бараке, приехал в бригаду на чьём-то мотоцикле, высвечивавшем фарами разбегающуюся из-под колёс молодёжь.

– Выйдешь к нему? – спросила соседка по палатке, Галка.

– Нет!

– Ну, тогда я выйду! Дура ты. Поэтессы – все дуры! – зло выкрикнула она, выбралась из-под накомарника, села к Виктору на мотоцикл и уехала – сначала в тот самый барак, потом из их с Кирой дружбы, а позже, уже через год – замуж за Виктора.

Дня через три после той ночи астраханцы уехали. Галка перешла в другую палатку, а Кира яростно кинулась писать стихи, конечно же, о неразделённой любви...

Наконец, выдали расчёт и Кириной бригаде, и повезли всех в город: в баню да и на последние танцы. Пока застоявшаяся молодёжь яростно топала за спиной недавно посебрённого Ленина, Тюлька отправился играть в карты, конечно же, по крупному: сначала – на всю получку, а когда деньги кончились, и на интерес. Интересом, к его возмущению, была объявлена Кира.

Тюлька встал на дыбы и был наказан соответственно жестоким картёжным принципам. Ему влили в горло бутылку самогона, и уже бесчувственное тело сбросили в яму общественного туалета.

Как он выбрался, неизвестно. Но утром, когда ребята, чистенькие и свежие после бани, уселись на лавки грузовика, ехать в бригаду, он явился в таком виде, что все недовольно загнули, отодвинулись и зажали пальцами носы.

Грузовик тархтел, подпрыгивая на кочках, а у заднего борта, в пыли и соломе, корчился, поглядывая на студентов исподлобья, смертельно униженный Тюлька. Он даже не пытался отряхнуть от яичной шелухи короб своей уже подсохшей на солнце куртки. Кира старалась не смотреть в его сторону. И он был явно благодарен ей за это.

По приезде в бригаду, Тюлька долго, фыркая, мылся на канале и стирал своё нехитрое тряпье. Кира отнесла ему свою стройотрядовскую форму и кеды, молча положила на камень и ушла.

Уложив оставшиеся вещи в рюкзак, она, до прихода автобуса, всё же решила сходить к тому самому бараку. Там ей сразу попались на глаза обёртки от любимых Галкиных сливочных тянучек... Стало не по себе. Вышла на воздух, но уходить не хотелось. Решила обойти раз-

валюху кругом, чего раньше не делала. С тыльной, глухой, стороны, на двух бочках от солярки лежала широкая доска, и под ней валялось несметное количество бычков от «Беломора»...
– Тюлечка! Миленький... Сторожил. Все ночи сторожил! Может, он и уберёг?..

ЖИВОТНОЕ

– Животное – и есть животное, от словечка «живот». Пожрать, пометить территорию, оставить потомство.

Но вот – в тупую лохматую башку этого самого животного, взяли, да и втиснули корпускул вселенского сознания... – Борис Николаевич Хотисин, эскулап местной Бушмановской психбольницы, явно промахнувшись, ткнул растопыренной пятернёй стол. Рюмка со «столичной» высоко подпрыгнула, но благополучно приклеёнилась. – Втиснули! А на кой? Вот и сидит теперь... – подмигнул он себе в зеркале, вытирая с подбородка кетчуп, – такой волчара и, тоскливо подвывая на луну, размышляет гад – один он в этой вселенной, али нет? Да... Зверьё-с! Звери, зверьки, зверёныши... Ведь кого только не жрём-с? Себя, как оказалось, чаще, – плотоядно ухмыльнулся он, старательно обгладывая копчёную куриную ножку. – Властители дум-с... – подхватив колечко лука с селёдочки, он, наконец, принял вожделенную стопочку. – Да! Именно они – творцы всех мастей во всём и виноваты!

Остренького им подавай, запредельненького... Правда, их тоже понять можно: из себя не выпрыгнув, чуда не сотворишь, непознанного не познаешь. А выпрыгнешь, так не факт, что и вернёшься.

Сам пробовал, задержал дыхание почти до комы, такое разглядел... Так ведь откачали друзья товарищи... А как теперь жить с этим знанием?... То-то же! Вот она – главная тайна, что от нас прячут! А так бы все – как горох посыпались...

Иногда жесточайшая несовместимость высшего и низшего буквально разрывала Бориса Николаевича надвое. Заглушить причиняемую ею боль удавалось только плоскими шуточками «Русского радио» да пузатой бутылочкой, нет, не коньячку, как вы подумали, а божественного «Амаретто» с персиковыми косточками на этикетке.

Только ведь не суют его в карман белого халата, нет, не суют!

А жаль, вроде бабское вино, но именно этой вязущей сладости и не хватало скрюченной повседневной колготнёй душе Хотисина. Он и не заметил, как втянулся... «Амаретто» покупалось уже ящиками. Пил в одиночку, уходя в отпуска за свой счёт. Когда уже не было сил доползти до магазина, завел дружков.

Именно благодаря их стараниям, он и очнулся однажды в морге с проломленным затылком.

Видимо, это был конец. Но одновременно и начало. Покопавшись в спецлитературе на сию злободневную тему – всё, что применялось у него на работе, казалось ему лишь дешёвым фарсом, – Хотисин нашёл наиболее действенное средство, ездил в московскую клинику, где ему делали химические вливания в вену. Одной инъекции хватало на три месяца.

Так прошло два года, в течение которых он понял, что ему нельзя не только конфет или торта с ромовой пропиткой – сладкое, как уже говорилось, он обожал, – но даже подкисшего варенья или перестоявшего кефира. Ничего забродившего. Сразу рецидив! Запой на неделю и больше.

Кроме химии, Борис Николаевич предпринял ещё ряд действенных мер. Прочертил себе маршрут от дома до работы, минуя все чепки и скопления собутыльников. Составил ряд сценариев, как поссориться с пьющими дружками, даже с указанием дат. Стал закупать продукты на две недели, чтобы реже ходить в магазин. Активно занялся отложенной когда-то диссертацией. И так далее...

Наконец, ему удалось справиться с ситуацией. Так он прожил шесть лет, пока однажды его не пригласили на вечер выпускников в родной город, куда он и отправился в белом костюме, с дипломатом и в дорогих очках. Там дамы уговорили бедолагу выпить в их честь полфужера шампанского, мол, от такой малости ничего не будет...

Очнулся Борис Николаевич под забором, где-то на окраине, совершенно голым, без денег и документов. Надев на бёдра подвернувшуюся картонную коробку, он пришёл в местное отделение милиции и объяснил ситуацию. Там всласть посмеялись, но дали кое-какую одежонку, справку вместо паспорта и позволили позвонить в психбольницу, откуда ему выслали деньги на билет.

Всё стало яснее ясного. Лютый зверь, с которым он столько боролся, не изгнан, а будет жить в нём всегда, поджидая своего часу.

Но ведь бороться вдвоём легче. И Борис Николаевич, наконец, решил жениться. Знал ведь, нутром чуял, что брак не для него: ограничения, уничижающие мелкие хлопоты, опрошение, оглупление, а главное – ответственность. А Хотисин был человеком долга.

Да и как было не жениться? Ведь он ходил в гости к семейным парам, ел праздничные пироги, сажал на колени чужих малышей и явно чувствовал себя в чём-то несостоятельным, а это унижало.

Естественно он задёргался. Сие было замечено женским полом. Но первым сделать шаг в брачную петлю он пока не решался.

Поэтому официантке из соседнего кафе Полине Черных пришлось самой соблазнить его, прикинуться беременной и вселиться со всем своим барахлом в его уютную однокомнатную квартирку.

И больше у Бориса Николаевича уже не было ни минуты отдохновения или тихих размышлений. Новоиспечённой жене всё время было что-то нужно, она постоянно теребила его, чего-то требовала, чем-то была недовольна, жаловалась, возмущалась, закатывала скандалы, и он не выдержал. Просто собрал вещи и ушёл на съёмную жилплощадь, оставив жене свою законную.

Но если тебе что-то назначено свыше, его вряд ли избежишь. Борис снял девятиметровку в трёхкомнатной квартире, и его соседками оказались сразу две таких «полины»... Сначала Борис купил себе электроплитку и электрочайник, потом стал ходить в баню, а потом – прыгать прямо от входной двери на коврик перед собой, стараясь не наступать на вечно выскобленный сырой пол, а потом даже и обрызгивать свою дверь освежителем воздуха.

Зато он стал подолгу гулять.

Частенько, сидя на скамейке в городском парке, он в подробностях припоминал свою недавнюю добровольную поездку в Припятъ.

Будучи врачом по профессии, он занимался там сразу всем. Был и педиатром, и хирургом, и акушером. Почему-то именно там, на грани жизни и смерти, две рвущие его на части сущности на время примирились: бывает пир во время чумы, а бывает и коммунизм в зоне радиоактивного заражения...

В Припяти можно было идти по улице, найти чью-то открытую машину, причём заправленную бензином, доехать на ней куда нужно, зайти в столовую, поесть бесплатно и даром же переночевать в гостинице. После тяжёлой, грязной, изнурительной работы – это было просто спасением. Никаких бумажек, никаких объяснений, работа делалась молча и потому полнее и результативнее.

Правда, люди и там вскоре поделились на людей будущего и людей прошлого. Одни пытались найти выход из сложившейся ситуации, зачастую жертвуя жизнями, другие обращались в зверей-мародёров, грызущихся за брошенную им чрезвычайными обстоятельствами изрядно заражённую кость.

После Чернобыля он, наконец, бросил работу и оформил инвалидность. Странно, но при столь плохих анализах, он чувствовал себя вполне сносно, лишь больше обычного спал и быстро уставал.

Но охват мыслью стал и глубже и шире. Сначала ему показалось, что он, наконец-то, обрёл долгожданную свободу. Природа – и он. Информация – и он. Осмысление этой информации, не понуждающее её обрабатывать или фиксировать. Диссертацию он, конечно же, опять забросил.

Но осознание реального и полу реального захватило его с новой силой. Неожиданно вспыхивали шальными искрами истинные прозрения, приоткрывались тайны небытия, и всё протекало сквозь него или обтекало его, не травмируя, но и не наполняя, а уносилось куда-то в белесую муть полусознательного.

Прошло ещё три года, и вдруг ему опять стало чего-то недоставать, и началось это именно тогда, когда он встретил на пристани ту пару...

Они были похожи, он и она. Одинаково высокие лбы и тронутые сединой прядки над ними. Причём и смотрели они – явно в одну сторону, понимали друг друга с полуслова. Прежде такое не попадалось ему на глаза. Он изучал их весь вечер.

А они долго гуляли по берегу, потом, сидя на большом валуне, что-то ели из одного кулёчка, пили из одной пластиковой бутылки. Он не нашёл предлога, чтобы подойти и заговорить.

Не правда ли, странно для его профессии? Но ведь он уже и не был врачом, скорее одним из пациентов Господа Бога...

Она была красива той возрастной красотой, которая обретается жизненным опытом, ясностью мысли и внутренним благородством.

Мужчина был чуть моложе, но явно более потрепан жизнью. Ожесточение проглядывало в его чертах и жестах. Но женщина, словно обволакивая его теплом и заботой, легко справлялась и с этим...

Борис Николаевич попытался представить их в домашней обстановке, где-нибудь между фикусом и книжными полками или на кухне за чашкой чая, и ему вдруг нестерпимо захотелось тепла, захотелось, чтобы кто-то и ему укрыл от ветра колени полый расстёгнутого плаща или поправил сбившуюся на затылок кепку.

И тогда у него созрел план, вернее, появилась цель. Он стал искать её, свою половинку, или хотя бы четверть: ведь не всем же так везёт. Он искал её в магазинах и на рынке, у аптек, больниц и библиотек, а более всего – в уединённых местах, куда её непременно должна была толкнуть та же жажда, что с недавних пор неотрывно владела им.

Иногда его просто ужасало, что ни в праздничной толпе, ни в похоронной процессии ему вообще не попадалось ни одного, с его точки зрения, человеческого лица, куда уж там женского. Мужские лица зачастую были свинными или деревянными. А женские – злобно-самодовольными и презрительными.

Часто встречались женщины, у которых вообще не было лица, так... белесая мятая тряпочка.

– Совсем сожрали бедную... – думалось ему тогда, и он спешил отвести взгляд, как отводят его при виде раздавленного голубя.

Как-то в конце мая, гуляя вдоль побелённой кладбищенской стены, он наткнулся на афишу местного заводского клуба. Название спектакля показалось интересным. «Дороги в никуда». И он решил зайти.

До спектакля оставалось минут двадцать, и Борис Николаевич невольно принялся разглядывать вывешенные в фойе портреты актёров и актрис. Третьей слева была Она, никакого сомнения.

Он давно уже мысленно рисовал именно это лицо, сжился с ним, выбрал его из тысяч, полюбил каждую чётточку. И прядка надо лбом была чуть тронута белесым серебром, серебром работы души человеческой, мук её чёрных, терзаний её светлых...

Он заглянул в программку и узнал, как её зовут. Хотя, почему – узнал?.. Он и прежде чувствовал на губах горько-сладкий сливовый вкус этого имени. Только не решался произнести его вслух. Казалось, чудо рассыплется от прикосновения, как взорвавшийся от перепада температур хрустальный стакан.

Вера Рябинина. Глаза у неё были, как у всех хороших актрис – большие, глубокие, печально-страстные и занимали чуть ли не треть лица. Тонкая прямая линия носа, тёмная рама сбившихся на бок волос, и глаза... Одни глаза. Рта и подбородка, казалось, и не было.

– Такая не сожрёт. И орать не будет. Да, скорее всего и не умеет, иначе бы рот непременно появился и, с ростом appetитов, всё рос бы и рос, чуть не до ушей, – опять вдруг невольно ожесточился он, но тотчас увидел её наяву.

Она не шла, а будто бесконечно множилась по ходу движения, полу опершись грудью на создаваемую ею же незримую опору.

– Так они всё-таки летают... – нервно передёрнулся он.

Да и облик её, вернее, образ – легковозбудимый, постоянно меняющийся, был одновременно и реален, и явно выходил за рамки реальности.

– Разве у такой могут быть – семья, дети, кастрюли... А ведь, наверное, есть. Бедная моя. Как же ты?.. Как жива ещё?.. Но ведь и я, после всего... Вот и она – так же.

Он просто взял её за руку и повёл. Вернее, потащил, как воздушный шарик на нитке. Она ни о чём не спрашивала. Шла, не оглядываясь и не сопротивляясь.

– Странно... – подумал он. Наверное, так бывает, когда уже сто лет никто не брал за руку, никто никуда не вёл...

На улице по густому фиолету уже разлилась глухая темнота, но даже этого ему было мало, уж больно хотелось, чтоб им никто не помешал.

Он свернул в пролом кладбищенской стены и усадил её на скамью в первой же оградке. С фотографии на памятнике на них, чуть улыбаясь, глядел Иван Иванович Найдёнов.

То ли они его нашли, то ли он их... Могилка была совсем запущенной. Здесь они и встречались после Вериных репетиций.

И говорили они о чём угодно, кроме своих реальных жизней, даже не упоминали о них. Спешить ему не хотелось, да и страшновато было. Прошло три недели, а он так и не знал, заму-

жем ли она... Пожалуй, в облаках неведенья и легче и чище – думалось ему. А ей было просто всё равно. Ведь хуже, чем дома, уже просто не могло быть. И после этого «хуже», конечно же, не хотелось никакой второй попытки. Хотелось просто любить или хотя бы надеяться...

Души их сливались, как цветные мыльные пузыри на грани схлопывания и образовывали один большой, у которого уже не только хватало сил взлететь меж крестов и цветущих черёмух, но и не взорваться от нечаянно нахлынувшего...

Они потом ещё долго следили за своим шариком, запрокинувшись крест-накрест, пока не начинали слезиться глаза, и от этого хотелось задремать, прямо здесь, у чужой могилки.

Но однажды он зашёл за ней на час раньше и увидел, как один из актёров на руках тащил Веру куда-то в темноту коридора, а она, как показалось Борису, довольно неприятно смеялась, делая вид, что отбивается.

– Ну, что ты делаешь?..

– Что должен. Молчи, женщина, когда тобой занят мужчина...

Борис Николаевич опрометью сбежал в холл первого этажа, поэтому не услышал продолжения разговора.

– Смыться хотела? Там наши тебя ждут. Сегодня у Свиридовой юбилей – пятнашка на сцене как-никак...

Хотисин резко свернул в театральное кафе и взял бутылку водки, потом вторую. Через полчаса с ним всё было кончено.

Уже на улице, Вера поискала его глазами и тотчас попятилась.

– Боже мой, за что?.. На широко расставленных ногах, в полу присядку, к ней направлялось нечто. Белки глаз бешено вращались, на кабаньем загривке топорщился то ли шарф, то ли седая щетина.

Он протянул к ней трясущуюся руку и глухо зарычал. Вера отшатнулась и бегом кинулась к подъехавшему троллейбусу, запрыгнула на ступеньку, но Борис или то, что от него осталось, разодрал закрывающиеся двери и ввалился внутрь.

Она прошла вперёд и села на ближайшее к выходу сиденье.

На беду контролёра не было, пассажиров тоже. Он, покачиваясь, добрался до неё, плюхнулся рядом и, выставив локоть, перекрыл путь к выходу.

– Ты... Ты...

– Я знаю. Меня задержали. Я и опоздала-то на полчаса.

– Да, – неожиданно согласился он, и взгляд его на мгновение стал осмысленным. – Но ты всё равно – с-с-с... – заскрежетал он зубами и поднёс к её лицу кулак. – Все вы...

Но тут дверь троллейбуса распахнулась, и Вера выпорхнула наружу. Борис ринулся за ней. Но левую ногу его защемило меж дверей. Он упал на четвереньки. Троллейбус тронулся, и Хотисина потащило под колесо...

Спрятавшаяся за троллейбусной остановкой Вера, закрыв глаза, присела от ужаса. Но в последний миг он всё-таки выдернул ногу, оставив внутри ботинок, упал, но тут же, встав на четвереньки, невидящими глазами уставился в её сторону.

– Видимо, почувал... Как зверь! – подумала она.

Он дико оскалится, но тут же, грязно выругавшись, потащился за троллейбусом.

– Животное... Господи, ещё одно животное... – наконец, тяжело поднялась Вера, отирая лицо, словно от налипшей паутины.

На плечо ей упал лепесток уже отцветающей вишни. Она потёрла его меж пальцев, поднесла к носу и страдальчески улыбнулась.

КУКОЛКА

Мы нашли эту куклу у мусорки, возвращаясь из детского сада. Внук первым заметил её, и деваться было некуда. Разве можно оставить такую красу среди сора и хлама, да ещё на глазах у ребёнка. Тем более, уже начинал накрапывать дождь.

Кукла сидела на пыльном кирпиче в одной замурзанной маечке, раскинув по плечам шелковистые каштановые кудри. Теперь таких игрушек не делают. Всё опростилось, приспособилось к массовому производству и потреблению. А когда-то, во времена детства теперешних бабушек, такие иностранки были лишь у редких счастливиц.

Настоящая, немецкая, с карими глазами, хлопающими ресницами и округлыми мягкими руками, она была истинным чудом меж сваленных в кучу мятых коробок и забрызганной извёсткой фанеры.

Куколка казалась бы совсем живой, если бы не оторванная, видимо, уже дворовыми мальчишками, целлулоидная нога, лежавшая неподалёку.

– Ба, возьмём куколку?

– Из мусора ничего брать нельзя! Да и нога у неё...

– Ничего, деда починит! – Петя уже слезал с прогулочной коляски, запутавшись ногой в петле крепёжного ремешка.

Он, конечно же, споткнулся, и возле куклы оказался уже на коленках. Потом мы украдкой принесли её домой и долго мыли в ванной, тёрли щётками, поливали горячей водой и даже обработали спиртом. Волосы прополоскали дорогим душистым шампунем.

Постирали и повесили сохнуть её рубашечку, представьте, с ещё натуральными хлопчатými кружевами!

А ногу куколке деда, конечно же, прикрутил да ещё и пришил, чтобы больше не отрывалась!

Её полюбили все. Наверное, потому, что она была подкидышем. Ведь жалость – это уже половина любви. Поэтому и любим мы до одури всех найдёнышей – котят, щенят и выпавших из гнезда птенчиков. Деда сшил кукле настоящие кожаные мокасины из старой сумки,

Петина мама – вечернее платье с красным мехом, а я, – джинсы из обрезанных сыном к лету штанин.

Петя неожиданно перестал бояться того, чего, к сожалению, боятся все дети, а именно – темноты и одиночества.

– Я с куколкой... – говорил он, отправляясь спать, и все прежде любимые им – зайцы, мишки и собачки оставались невостребованными.

– Не закрывайте дверь, куколка боится! Куколка знает... Куколка хочет – то и дело было слышно от него. – Я не буду спать, куколка глазки не закрывает!

Куколка стала членом семьи. Все неожиданно обмякли, подобрели, сдружились. Кажется, какая-то неведомая сила подбросила её, как некое связующее звено, в наш уже начинавший стыть и трещать по швам дом.

Прежние обиды, которые не давали молодым запросто заглянуть в комнату к старикам, и наоборот, – старикам хоть чуть смирить свою гордыню, как-то сами собой рассосались.

– Где куколка? Я ей...

– Вы не видели куколку?.. Не у вас?.. – только и было слышно.

Невероятно, но эта кукла вернула нам тогда и семью, и дом – настоящий, тёплый, который, казалось, уже был утрачен безвозвратно.

Прошли годы, и всё у нас опять покатило в холод и безразличие. Времена такие...

И я невольно стала поглядывать в сторону ящиков для смёта – не выбросил ли кто-нибудь для нас ещё одну куклу-спаситель-ницу?..

Скоро не выдержу, и куплю её в магазине, растреплю волосы, измажу глиной башмачки, и принесу в дом. Вдруг поможет?..

ПЛАКАТЬ ОТ ЛЮБВИ

Что-то с силой бухнуло в дверь, и в комнату влетела Соня, женщина трёх с половиной лет, ещё в сандаликах, но уже в шляпке. Её вертикальные с кисточками ресниц глаза выражали одновременно кокетство и упрямство крутолобого бычка.

Четырёхлетний Андрюша был влюблён в Соню уже полгода – навсегда, целиком и безвозвратно. Если дети гуляли в сквере, Соня, подзадоривая его, сразу же резко устремлялась куда-то в сторону, через плечо поглядывая, следуют ли за ней? А за ней, конечно же, следовали!

Как только Андрюша, запыхавшись, догонял её, она бросалась в противоположную сторону, и всё повторялось – пять, десять, двадцать раз, пока мама не подхватывала падающего малыша и не уносила его домой. Сил у влюблённого не оставалось даже на то, чтобы, болтая ногами в воздухе, сопротивляться. Потом он лежал пластом, почти не шевелясь. «Что поделаешь, кто мало ест, тот мало и может!» – сочувственно выговаривала ему мама. Но аппетита у Андрюши не было, есть он не мог, как ни старался, поэтому был катастрофически слаб и мал – на голову ниже Сони!

В доме любимым местом его было окно. Там, за стеклом, двигался, жил чудесный, ещё не познанный мир, а здесь, дома... Он обводил глазами комнату, ничего интересного не находил, и опять надолго прилипал к стеклу.

Когда, удобно устроившись между горшками цветов, он вдруг замечал возлюбленную, гуляющую внизу с мамой, из груди его вырывался индейский полувизг-полукрик: «Соня! Там Соня!» Он спрыгивал с подоконника и, домчавшись до входной двери, припадал к ней грудью и носом, как будто за пыльным просветом гулкового подъезда мог расслышать её капризное воркование или не по детски тяжёлые шаги.

Сандалики у Сони были тоже на два размера больше, чем у него.

Играть в нашем доме дети могли не более часа. Ровно через час детские нервы не выдерживали взрослых чувств. Вся любовь: все восхищения, придыхания, обожания заканчивались, и влюблённая парочка, вцепившись с двух сторон в какую-нибудь игрушку, покраснев от натуги, начинала истошно визжать. Молодые мамы, успокаивая детей, растаскивали их по углам с увещеваниями и подзатыльниками.

Но всё было тщетно. Сердца этих двоих не выдерживали любви, и, не выдерживая, не понимая, что с нею делать, обращали её в ненависть.

Эти ненависть и любовь были вполне настоящими и требовали много сил! И потому мамам никогда не удавалось всласть поболтать или угостить друг друга чем-то свежеприготовленным и потому аппетитно пахнущим. Тарелки с едой оставались нетронутыми, а на лестнице периодически слышался рёв утаскиваемой под мышкой Сони и её хриплые вопли и рыдания.

Детей приходилось постоянно разводить, им нужна была передышка, чтобы набраться сил для новой встречи. Дверь за Соней и её мамой гулко захлопывалась, и Андрюша в одночасье вдруг понимал, что жизнь кончилась, счастье кончилось, и виной всему был он, да именно он!

И зачем ему понадобилась эта ржавая машинка, которая уже две недели валялась у стены под кроватью? А теперь, а теперь... Глаза его расширились, зрачки становились бесцветными. Как же так? Как же?.. Но плакать от любви он ещё не научился.

ОТДАЙ МОЮ БАБОЧКУ!

Любовь Ивановна, сорокалетняя бабушка, ещё настолько молодая, что и молодиться не стоило, поставила чемодан под глянцевой магнолией и сладко вдохнула субтропические запахи прибатумского Зелёного мыса.

Четырёхлетний внучек Костик, присев ей на босоножки, с интересом разглядывал будущее жилище. Путёвка была всего на две недели, и поэтому хотелось поскорее отогреться после холодного Питера, всё успеть, всем надышаться...

Лейла, хозяйка съёмного жилья, по внешней лестнице провела квартирантов на второй этаж в светлую комнату со сводчатыми потолками и широко распахнутым окном. Вьющиеся розы опутывали весь внутренний дворик и гирляндами свешивались с забора до самой земли. А прямо под подоконником гуляли индюки и цисарки, гортанно, совсем по-кавказки, общаясь меж собой.

Пока Любовь Ивановна разглядывала рай за окном, Костик затолкал чемодан под низкий прикроватный столик, конечно же, свалив с него замысловатую керамическую вазу, которая тут же раскололась на несколько увесистых кусков.

Хозяйка немедля заглянула в комнату.

– Простите, мы сегодня же купим новую, – смутилась бабушка, отвесив внуку символический подзатыльник.

Лейла молча принесла веник и совок.

Переодевшись, провинившееся семейство отправилось в ближайший универмаг за новой вазой. Слава богу, таких там было предостаточно, причём, всех видов и расцветок. Пока Любовь Ивановна оплачивала покупку, Костик обнаружил на входной двери что-то невообразимое – огромного, с воробья величиной, мохнатого белесого мотылька. Не раздумывая, он схватил его и крепко зажал в ладошке.

Бабушка заметила его добычу только на подходе к дому, хотела отобрать, вдруг укусит, но расцепить пальцы малыша не представлялось никакой возможности.

Полу задушенного мотылька он выпустил только на площадке лестницы у своей двери и тут же начал усердно подталкивать бедолагу к краю верхней ступеньки удачно подвернувшейся обувной ложкой:

– Лети, дулашка!

Дверь соседней комнаты приоткрылась, и на пороге возник мужчина под пятьдесят, в очках, со светло русыми волосами, стянутыми на затылке в почти девчоночий хвостик.

– Надо же, весь в белом. Бородка. Нос кверху. Прибалтиец, наверно... – отметила про себя Люба, – знаем таких, «плавали»...

Когда-то, ещё в юности, в международном лагере, куда Любин папа правдами и неправдами достал ей путёвку, она познакомилась с двумя девочками из Риги. Такие же гордячки, тоже во всём белом, ни с кем не дружили и обзывали всех хрю-хрю. Наши сначала удивлялись и обижались, а потом просто перестали их замечать, обходили, как стулья в полотняных чехлах. Конечно, меж них вряд ли все такие... Но опыт – есть опыт. И что-то внутри Любы встало на дыбы, когда мужчина присел на корточки рядом с её внуком.

– Мальчик, а ты не мог бы уступить мне эту бабочку. Я энтомолог. У меня большая лекция, и сюда я приехал именно за этим экземпляром. Давай меняться. У меня есть большая поющая раковина – рапан. Я сам её со дна достал.

Мужчина на минуту вернулся к себе и принёс малышу раковину. Тот, конечно же, бросил несчастного мотылька и вцепился в новую игрушку. Обрадованный энтомолог схватил полуживое насекомое и скрылся в своей комнате. В спешке он забыл прикрыл дверь, и Любаше

было видно, как, подрагивая хвостиком, энтомолог старательно насаживал бедного мотылька на большую булавку и чем-то прозрачным подклеивал его порванные крылышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.